

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Новгородская третья летопись

(Время и обстоятельства возникновения)

Новгород Великий являлся одним из крупнейших центров русского летописания. Однако его летописное наследие изучено еще далеко не полно. Если новгородские летописи XIV—XV веков (как и более ранний период новгородского летописания, памятники которого не сохранились) в достаточной степени уже исследованы,¹ то совсем иную картину представляют летописи XVI—XVII веков. Здесь до сих пор дело ограничилось почти исключительно публикациями отдельных памятников. Большинство этих изданий давно устарело и не отвечает современным требованиям. Исследования, специально посвященные позднему летописанию Новгорода, совершенно отсутствуют.

Новгородская третья летопись ценна не только с точки зрения общей истории русского летописания, в частности — новгородского. Она представляет особый интерес в силу своеобразия своего состава. В текст ее включено большое количество самостоятельных литературных памятников (легенды, отразившие идеологическую борьбу Новгорода с Москвой в XIV—XV веках, исторические повести — о присоединении Новгорода к Московскому государству, о новгородском походе Ивана IV и многие другие). Некоторые из этих памятников Новгородская третья летопись передает в редакциях, до сих пор нигде более не известных. По крайней мере один из них — повесть об осаде Тихвинского монастыря шведами — в своей первоначальной редакции содержится, повидимому, именно в Новгородской третьей летописи.² Другая повесть того же цикла — о взятии Новгорода шведами — известна пока только по этой летописи.³

Помимо этого, Новгородская третья летопись имеет особую ценность для искусствоведов, так как она в гораздо большей степени, чем любая другая летопись Новгорода, содержит подробные данные о постройке, росписи, дальнейшей судьбе и местоположении многочисленных памятни-

---

¹ См.: А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков. ЖМНП, 1900, №№ 9 и 11, 1901, № 11; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 3) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI веков. М.—Л., 1938; Д. С. Лихачев. 1) Новгородские летописные своды XII века. — Известия АН СССР, отд. литературы и языка, 1944, III, вып. 2—3; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947; 3) Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г. — Исторические записки, т. 25, [М.], 1948, и другие работы.

² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913, стр. 426—427.

³ Там же, стр. 426.

ков новгородского зодчества. На данных ее построено, в частности, изучение творчества одного из наиболее выдающихся живописцев XIV—XV веков — Феофана Грека, так как единственной документированной работой его является роспись церкви Спаса на Ильине в Новгороде, о принадлежности которой Феофану сообщает только Новгородская третья летопись.¹ В силу тех же своих особенностей этот памятник является важным источником, используемым археологами при планировании раскопок в Новгороде,² масштабы которых непрерывно расширяются и значение которых для изучения древнерусской культуры, в частности — письменности (мы имеем в виду открытие берестяных грамот³), трудно переоценить.

Настоящая статья представляет собой попытку выяснить лишь отдельные вопросы — время и условия возникновения этого памятника и отношение его к так называемой Иоакимовской летописи. При этом некоторые моменты, имеющие в данном случае подчиненный характер, освещены лишь схематически, без приведения полной аргументации, так как это не входило в непосредственную задачу статьи и потребовало бы значительного увеличения ее объема.

* *
*

Говорить об истории изучения Новгородской третьей летописи⁴ практически не приходится. У дореволюционных исследователей можем найти только отдельные замечания и предположения,⁵ являющиеся результатом

¹ Под 1378 годом. Имеется еще три известия о работах Феофана Грека — в Воскресенской летописи (ПСРЛ, VIII) и в Московском летописном своде конца XV века (ПСРЛ, XXV): в 1395 году он, вместе с Симеоном Черным и своими учениками, приступил к росписи церкви Рождества богородицы в Москве; в 1399 году им был расписан Московский Архангельский собор; в 1405 году Феофан, вместе с Андреем Рублевым и Прохором из Городца, расписывал Благовещенский собор в Москве. Однако от всех этих работ сохранился только иконостас Благовещенского собора, который не мог быть взят за основу в изучении творчества Феофана Грека, так как в этом соборе Феофан работал не один, а совместно с Андреем Рублевым и Прохором. Роспись же церкви Спаса на Ильине, по данным Новгородской третьей летописи, была целиком выполнена Феофаном. Не удивительно, что почти все исследователи, которым приходится писать о Феофане Греке, ссылаются на известие Новгородской третьей летописи (см.: И. Э. Грабарь. Феофан Грек. — Казанский музейный вестник, 1922, № 1, стр. 4; Б. В. Михайловский, Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941, стр. 157; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 69; А. Анисимов. Новоткрытые фрески Новгорода. — Старые годы, 1913, декабрь, стр. 54; А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. Л., 1939, стр. 103—104; Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 286, и многие другие работы).

² См.: Н. Брунов и Н. Травин. Отчет о работе по исследованию Новгородской Софии в сентябре 1945 года — Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 7, 1947, стр. 67; А. Л. Монгайт. Раскопки Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. — Краткие сообщения ИИМК, XXIV, 1949, стр. 96; В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. — Краткие сообщения ИИМК, L, 1953, стр. 92, и другие работы.

³ См.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.) М., 1954; 2) отчеты о раскопках в журнале «Вопросы истории» за 1951—1956 гг. См также: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Отв. редактор В. И. Боровиковский. М., 1955, и другие работы.

⁴ В дальнейшем употребляется сокращенное обозначение НПЛ.

⁵ Исключение составлял А. А. Дмитриев. Однако работа его («Библиографический разбор третьей новгородской летописи и отношение ее к прочим новгородским и Лаврентьевской летописям»), написанная автором еще в студенческие годы, к сожалению,

поверхностного знакомства с текстом или даже случайных наблюдений. Не выходят за рамки поверхностных описаний и характеристики этого памятника в обзорных работах (наиболее подробная из них — у В. С. Иконникова).¹

Советскими литературоведами и историками было изучено большое количество летописных памятников XVI—XVII веков, однако НПЛ оставалась совершенно неисследованной.

В 1947 году С. К. Шамбинаго опубликовал специальную работу о НПЛ,² которая до настоящего времени является единственным исследованием, посвященным этому памятнику. Автор выдвигает интересный и оригинальную концепцию, основанную на сопоставлении НПЛ с так называемой Иоакимовской летописью, начальная часть которой опубликована В. Н. Татищевым.³

Основные положения статьи С. К. Шамбинаго могут быть сформулированы следующим образом.

1. НПЛ издана неполностью. Она имеет начало легендарного характера, читающееся в рукописи перед опубликованным текстом летописи (рукописи Библиотеки СССР им. В. И. Ленина — Р. 250 и Р. 252 и Гос. Исторического музея — № 2513 Музейного собрания, № 1790 собрания Е. В. Барсова и № 784 Синодального собрания).⁴

2. Легендарная часть тождественна известной нам части Иоакимовской летописи. Последняя представляет собой несколько сокращенный вариант (или редакцию) этого памятника.

3. Утраченная часть Иоакимовской летописи соответствовала опубликованной части НПЛ, так как начальные части обеих летописей совпадают, а подробный рассказ о крещении Новгорода, читающийся в конце известной части Иоакимовской летописи, свидетельствует о близости ее к новгородским сводам, где среди известных о событиях внутренней жизни Новгорода «первое место занимают дела церковные».⁵ Следовательно, НПЛ в ее полном виде (вместе с легендарной частью) тождественна Иоакимовской летописи в ее полном виде (вместе с утраченной частью).

4. НПЛ оканчивается известиями 1674 года о митрополите Иоакиме, который еще занимал в этом году новгородскую кафедру. В начале Иоакимовской летописи сказано, что ее автором является «святитель Иоаким». Поскольку обе летописи являются вариантами одного свода, следует полагать, что он был составлен по инициативе митрополита Иоакима во время его пребывания в Новгороде. Общая картина деятельности Иоакима говорит в пользу этого предположения.

Говоря о полной неизученности НПЛ, мы имели в виду также и работу С. К. Шамбинаго: она изобилует неточностями и ошибками. Многие из приводимых автором данных о рукописях не соответствуют действительности. Выводы же С. К. Шамбинаго опираются частью на эти неверные данные, частью на догадки, не проверенные исследованием текстов. Введение С. К. Шамбинаго в научный оборот двух новых, неизвестных

осталась неопубликованной (см.: Д. В. Скрыченко. Памяти пермского историка А. А. Дмитриева. — Исторический вестник, 1903, август, стр. 575) и содержание ее нам не известно.

¹ Опыт русской историографии, т. II, кн. I. Киев, 1908, стр. 712—719.

² С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. — Исторические записки, т. 21, [М.], 1947, стр. 254—270.

³ В. Н. Татищев. История российская с древнейших времен..., кн. I, ч. 1. М., 1768, гл. IV (стр. 29—51).

⁴ Мы даем современные шифры этих рукописей, несколько отличные от тех, которые приведены С. К. Шамбинаго.

⁵ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 265.

ранее списков НШЛ, как и сама попытка положить начало исследованию этого памятника, составляет несомненную ценность его работы. Что же касается концепции автора, то несмотря на свою заманчивость, она не может быть принята (за исключением одного второстепенного пункта). Ниже мы постараемся это доказать, показав вместе с тем ошибочность ряда фактических данных и догадок, на которые опирается гипотеза С. К. Шамбинаго.

* * *

НШЛ издавалась дважды,¹ оба раза по шести спискам: Колобовскому² (Ленинградское отделение Института истории АН СССР, собр. Археографической комиссии № 28, XVIII в., в 4-ку, 220 лл.), Синодальному (ГИМ, Синодальное собр., № 794, XVIII в., в 4-ку, 204 лл.), Румянцевскому I (БЛ, Р. 250, XVIII в., в 4-ку, 326 лл.), Киевскому³ (Гос. Публичная библиотека УССР, собр. Киевской духовной академии, № 215, XVIII в., в лист, 130 лл.), Строевскому (ГПБ, собр. Погодина, № 1416, конец XVII—начало XVIII в., в лист, 189 лл.) и Толстовскому (ГПБ, Q.IV, № 78, XVIII в., в 4-ку, 187 лл.). Два новых списка введены в оборот С. К. Шамбинаго — Румянцевский II (БЛ, Р. 252, XVIII в., в лист, 541 лл.) и Барсовский (ГИМ, собр. Барсова, № 1790, XVIII в., в 4-ку, 334 лл.). Нами обнаружено еще шесть списков: Титовский (ГПБ, собр. Титова, № 3250, XVIII в., в 4-ку, 192 лл.), Комиссионный (ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 27, XVIII в., в 4-ку, 336 лл.), Щедринский (ГПБ, F.IV, № 623, XVIII в., в лист, 168 лл.), Беляевский (БЛ, № 1511, XVIII в., в 4-ку, 185 лл.), Академический (БАН, 32.3.16, XVIII в., в 4-ку, 326 лл.) и Рулинский (ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 29, XVIII в., в 4-ку, 68 лл.). Таким образом, в настоящее время нам известно 14 списков НШЛ.

Имеющиеся списки позволяют установить наличие двух редакций, различающихся между собой по содержанию и, особенно значительно, по объему. Назовем эти редакции пространной и краткой. Пространная редакция представлена одним списком — Румянцевским II. Все остальные списки относятся к краткой редакции. Сличение летописных текстов обеих редакций показало, что краткая редакция восходит к пространной и является, таким образом, младшей. В задачу настоящей статьи не входит подробное рассмотрение взаимоотношений этих редакций, поэтому ограничимся лишь перечислением полученных нами в результате сличения выводов.

1. Пространная редакция в несколько раз превосходит краткую по объему.

2. Почти все известия краткой редакции содержатся и в пространной. Совпадение общих текстов, за редкими исключениями, является дословным.

3. Список пространной редакции и большинство списков краткой редакции оканчиваются одними и теми же известиями 1674 года.

4. Многие тексты, читающиеся в пространной редакции в полном виде, в краткой редакции помещены неполностью, обрываясь иногда на середине фразы (обратного не наблюдается).

¹ ПСРЛ, III; Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.

² В изданиях он именуется «список Археографической комиссии».

³ В изданиях он именуется «список Киевской духовной академии».

5. Ряд известных пространной редакции передан в краткой редакции сокращенно, с опущением второстепенных деталей (сокращений же общих известий в пространной редакции нет).

6. В пространной редакции имеются десятки случаев хронологической непоследовательности в датах (известия более поздние предшествуют более ранним). В краткой редакции эта непоследовательность в большинстве случаев устранена.

7. Во многих случаях известия одного и того же года, расположенные в пространной редакции без всякой системы, в краткой редакции оказываются сгруппированными по тому или иному признаку.

8. Список пространной редакции содержит большое количество приписок на полях. Краткая редакция вносит многие из них в летописный текст, а в ряде случаев — дополняет летописные известия пространной редакции на основании относящихся к ним маргиналий.

Приведенные выводы (и некоторые другие данные) свидетельствуют о том, что краткая редакция представляет собой извлечение из пространной, текст которого несколько упорядочен и пополнен из других источников.

Списки краткой редакции могут быть разбиты на два вида, которые мы в дальнейшем будем называть полным и сокращенным видами этой редакции. В списках сокращенного вида опущены три крупные статьи: Послание новгородского архиепископа Василия тверскому епископу Федору (под 1347 годом), Повесть о присоединении Новгорода к Московскому государству (под 1471 годом) и Легенда о видении пономаря Тарасия (под 1508 годом). На месте этих статей помещены только их заглавия с указанием количества листов опущенного текста. К полному виду относится девять списков: Колобовский, Синодальный, Титовский, Комиссионный, Барсовский, Румянцевский I, Щедринский, Киевский и Беляевский. Все списки этого вида оканчиваются, как и список пространной редакции, известиями о новгородском митрополите Иоакиме (кроме весьма дефектного Беляевского списка, обрывающегося на известиях 1454 года). Сокращенный вид представлен списками: Академическим, Строевским, Толстовским и Рулинским. Академический список, кроме последних известий списков полного вида, содержит еще известие 1674 года о поставлении на место Иоакима новгородским митрополитом Корнилия (есть основание полагать, что такое же окончание имел и протограф сокращенного вида). В Строевском списке летописный текст продолжен до 1699 года, в Толстовском — до 1716. Рулинский список обрывается на известиях 1375 года. Спискам сокращенного вида предпослано оглавление летописи, состоящее из четырех самостоятельных частей: оглавления известий о постройке церквей в Новгороде, известий о поставлении новгородских епископов, архиепископов и митрополитов, известий о пожарах и других известий. Ряд данных позволяет утверждать, что оглавления содержались и в протографе полного вида. Один из списков этого вида (Беляевский) частично сохранил их. Анализ текстуальных особенностей списков позволил разбить их внутри каждого вида на группы и выяснить генеалогическое взаимоотношение всех рукописей.

Исследователи, обращавшиеся к НПЛ (исключая С. К. Шамбинаго), имели дело только со списками краткой редакции, точнее, только с теми ее списками, которые были изданы. С. К. Шамбинаго, обнаруживший список пространной редакции, не выделял его в особую редакцию. Напротив, он считал (по непонятным для нас причинам), что этот список «дает сокращенный вариант свода».¹

¹ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 265.

Деление известных ранее списков на виды также не производилось. В обоих изданиях списки полного и сокращенного видов краткой редакции издавались вместе.

Впервые летопись была издана под редакцией Я. И. Бередникова в третьем томе ПСРЛ в 1841 году, вместе с первой и второй Новгородскими летописями. Второе издание, под редакцией А. Ф. Бычкова, вышло в 1879 году и содержало вторую и третью Новгородские летописи.¹ В обоих изданиях за основу взят Румянцевский I список, по пяти спискам подведены варианты.

Второе издание несколько лучше первого,² однако оба содержат ряд существенных недочетов. Основной недостаток, на наш взгляд, заключается в том, что к изданию в обоих случаях были привлечены только списки краткой редакции, тогда как основной несомненно является пространная редакция летописи.

Пространная редакция представляет собой большой по объему свод (свыше 400 лл., в лист), охватывающий события от рассказа о происхождении славян до известия о поставлении патриархом новгородского митрополита Иоакима в 1674 году. Вплоть до начала XVI века преобладают известия общерусские, текст которых сходен с московскими и новгородскими летописями XV—XVI веков. В этой части имеется также значительное количество известий (почти исключительно новгородских), которые в других известных в настоящее время летописях отсутствуют. С начала XVI века удельный вес новгородских известий сильно возрастает — в этой части они занимают около половины всего текста. Большая часть известий этой части в других летописях также не содержится или содержится в иной редакции. В летописный текст включено значительное число самостоятельных литературных памятников — легенд и исторических повестей, связанных с историей Новгорода. Часть из них читается и в других летописях. На всем протяжении свода строго выдержана система годового изложения событий, причем все легенды и повести включены под соответствующими годами. Однако хронологическая последовательность известий (особенно во второй части летописи) часто нарушается. На протяжении XVI—XVII веков несоответствий особенно много, и они достигают иногда нескольких десятков лет, при этом разные события одного и того же года оказываются часто в двух, иногда даже в трех местах, будучи разделены известиями других годов. Во многих случаях дублируются одни и те же известия. Таким образом, текст производит впечатление необработанного черновика свода, составленного на основании нескольких летописей. На всем протяжении памятника составитель особенно внимательно и подробно останавливается на событиях церковной жизни Новгорода. Особенно подробны известия о поставлении, смерти и погребении новгородских епископов, архиепископов и митрополитов, а также о постройке, освящении, росписи и последующей судьбе новгородских церквей. Основная часть известий, отсутствующих или изложенных короче в других летописях, касается именно этих событий. Известия о новгородских владыках изложены иногда подробнее, чем даже в «Росписи, или кратком летописце новгородских владык»³ — летописи, специально посвященной этому предмету. Это последнее обстоятельство позволяет полагать, что пространная редакция возникла при дворе новгородских митрополитов.

¹ См. прим. 1 на стр. 239 настоящего тома.

² Первое издание было подвергнуто резкой критике еще М. П. Погодиным (Новгородские летописи. — Известия II отделения Академии Наук, т. VI, 1857—1858, стб. 209—219).

³ См.: Новгородские летописи, стр. X—XIII, 130—171.

Краткая редакция, как уже указывалось, в несколько раз меньше по объему и охватывает события от введения христианства в Новгороде (989 год)¹ до известий о новгородском митрополите Иоакиме (имеем в виду окончание полного вида этой редакции). Общерусские известия пространной редакции подвергнуты в ней значительному сокращению, большая часть их совершенно опущена. Зато новгородские известия сохранены целиком (за несколькими исключениями). Литературные памятники, включенные в состав пространной редакции, сохранены полностью, добавлено несколько других, аналогичных по типу памятников (повести о событиях польско-шведской интервенции в Новгороде и Новгородской земле и некоторые другие). Погодное изложение полностью сохранено, хронологическая непоследовательность и дублировки известий в большинстве случаев устранены, многие известия перегруппированы. Известия о церковной жизни Новгорода сохранены почти во всех случаях целиком, некоторые из них дополнены, добавлено несколько новых известий этого типа. Таким образом, в краткой редакции новгородско-церковный характер летописи еще более усилен, что достигнуто главным образом за счет опущения общерусских известий. Начиная с 1614 года и до конца летописи в этой редакции сохранены только известия о новгородских митрополитах. Поэтому возникновение ее, очевидно, также следует связывать с деятельностью новгородской митрополии.

* * *

Изложенная в начале статьи концепция С. К. Шамбинаго заставляет прежде всего выяснить отношение ННПЛ к Иоакимовской. Как уже указывалось, С. К. Шамбинаго полагал, что Иоакимовская летопись и ННПЛ — варианты одного и того же свода. Эта его точка зрения основана на убеждении, будто начало Иоакимовской летописи, изданное Татищевым, — «Повесть о старобытных князьях» — представляет собой лишь один из вариантов того памятника, который он считает началом ННПЛ. Этот памятник в рукописях, содержащих ННПЛ, имеет заглавие «Выписано из История (1) киевския, зачало Великому Новуграду».

Прежде всего следует уточнить, какие рукописи могут быть в данном случае привлечены. Естественно, что они должны содержать и упомянутый выше памятник, и текст ННПЛ. С. К. Шамбинаго перечисляет пять таких рукописей: рукописи Библиотеки СССР им. В. И. Ленина — Р. 250 и Р. 252 и рукописи Исторического музея — Барсова № 1790, Синодального собрания № 794 и Музейного собрания № 2513. При рассмотрении этих рукописей оказывается, что две из них должны быть отброшены. Вопреки утверждению С. К. Шамбинаго, рукопись Р. 252 не содержит памятника «Выписано из История киевския...». Она содержит пространную редакцию ННПЛ, в начале которой читается текст, тождественный Софийской первой летописи. Что касается рукописи Музейного собрания № 2513, то там в начале действительно есть памятник, который имеет в виду С. К. Шамбинаго, однако в ней нет ННПЛ. То, что было принято С. К. Шамбинаго в этой рукописи за ННПЛ, представляет собой компиляцию из нескольких летописей, которая содержит лишь выборки из летописи, сходной с Новгородской третьей, незначительные по объему. Остальные три рукописи действительно содержат ННПЛ краткой редакции.

¹ Здесь имеется в виду только тот летописный текст, который включен в издания, без так называемой «легендарной части».

Ей предшествует памятник, озаглавленный «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду», который С. К. Шамбинаго считает легендарной частью НПЛ. Аналогичным является состав остальных рукописей, содержащих краткую редакцию этой летописи, одни из которых были, очевидно, не известны, другие не использованы С. К. Шамбинаго.¹ Мы будем делать выводы на основании всех этих рукописей.

Попытаемся сначала установить, в какой степени правомерно считать началом НПЛ так называемую «легендарную часть». Памятник этот известен довольно давно. Впервые он был опубликован А. Н. Поповым в 1869 году по рукописи, содержащей Хронограф 1679 года,² а в 1878 году перепечатан Ф. Гиляровым с подведением вариантов по двадцати рукописям³ (на это последнее издание ссылается и С. К. Шамбинаго⁴). Этот памятник вошел в состав некоторых русских хронографов второй половины XVII века,⁵ а также ряда летописных и нелетописных сборников второй половины XVII и XVIII веков.⁶ Текст представляет собой законченный литературный памятник, содержащий легенды о происхождении восточных славян, об основании Новгорода, о древнейших русских князьях и их сношениях с Александром Македонским и т. п. Повествование начинается с разделения земли между сыновьями Ноя и оканчивается призванием Рюрика и его братьев.⁷ Об общем характере памятника дают представление названия его глав, содержащиеся в большинстве списков. Заглавия эти следующие: «О Словене и Русе», «О зачале Великаго Словенска и о Волхове и о Волховеце», «О князех русских, бывших при Александре Македонском», «Послание Александра Македонскаго русским князем», «О князех русских Халоха и Лахерна», «О запусении Великаго Словенска и о поставлении и зачале Великаго Новаграда», «О пространстве земли Руския и о княжении князя Гостомысла». Памятник изобилует вымышленными именами, образованными от географических названий (Ильмер, Волхов, Шелонь, Волховец, Жилотуг, Полиста и др.). Историческая достоверность его содержания очевидна, почти весь текст несомненно является результатом литературного вымысла, с использованием, повидимому, народных легенд. В этом пункте мы целиком согласны с С. К. Шамбинаго. Однако если считать этот памятник началом краткой редакции НПЛ, то придется признать, что в этой летописи имеется пробел, охватывающий свыше 120 лет, так как «легендарная часть» оканчивается призванием Рюрика, а сам летописный текст начинается с крещения Новгорода. Кроме того, ни в одной из рукописей текст летописи не следует непосредственно за текстом «легендарной части». В рукописях, содержащих полный вид краткой редакции, за «легендарной частью» следует «Повесть о Данииле

¹ Судя по работе С. К. Шамбинаго, он использовал списки Румянцевский, Толстовский, Колобовский и Киевский краткой редакции не по рукописям, а только по изданию, которое не содержит «легендарной части».

² А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 442—447.

³ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. [Приложения.] М., 1878, стр. 15—22.

⁴ Однако С. К. Шамбинаго ошибочно полагает, что текст этот напечатан Гиляровым «по 23 рукописям» (С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 261, примеч. 1).

⁵ А. Н. Поповым он был издан по списку Хронографа 1679 года. М. Н. Тихомиров обнаружил его в составе Новгородского хронографа конца XVII века (М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII века. Новгородский исторический сборник, вып. 7, 1940, стр. 66).

⁶ Назовем следующие рукописи: БАН — 17.8.25, 21.6.13, 31.4.25 и 34.6.59, ГПБ — Титова 3217 и 2759.

⁷ В рукописях, содержащих НПЛ, в конце добавлена, за счет сокращения последней фразы остальных списков, фраза о Владимире Святославиче и введении христианства.

Александровиче московском», затем повесть «О зачале Московского государства» и только потом уже НПЛ. При этом не следует забывать, что эти два промежуточных памятника повествуют о событиях XIII—XIV веков, в то время как летопись начинается с 989 года. Таким образом, не только по своей тематике, но и по хронологии эти памятники не могут являться связующим звеном между НПЛ и ее «легендарной частью». С. К. Шамбинаго, объединяя эти две повести,¹ считает их «случайной, разделяющей новгородскую летопись вставкой».² Если бы это было так, то имелись бы списки НПЛ, не содержащие этой «вставки». Между тем, среди довольно большого (для летописного памятника) количества известных нам списков краткой редакции (13 списков) только в одной дефектной, рукописи Беляева текст НПЛ следует непосредственно за «легендарной частью». Но эта рукопись не может приниматься в расчет, так как в ней между «легендарной частью» (не имеющей окончания) и текстом летописи листы явно утрачены. Что касается рукописей, содержащих сокращенный вид краткой редакции летописи, то в них отсутствует повесть «О зачале Московского государства», однако между текстом НПЛ и текстом ее «легендарной части» оказывается, кроме «Повести о Данииле Александровиче», еще пространное заглавие и оглавление НПЛ. Не подлежит сомнению, что как заглавие, так и оглавление относятся только к следующему за ними тексту собственно НПЛ, так как содержание «легендарной части» в них ничем не отражено.

Приведенные данные не позволяют согласиться с С. К. Шамбинаго, считавшим, что памятник «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду» представляет собой часть НПЛ. Добавим, что большинство рукописей, в которых читается эта «легендарная часть», не имеет в своем составе НПЛ.

Возникает вопрос, почему же все-таки «легендарная часть» сопутствует НПЛ краткой редакции, раз она не является частью этой последней и никак с ней не связана. На наш взгляд, это обстоятельство легко объяснимо. Сопутствует летописи не только «легендарная часть», но в равной степени и другие памятники. «Повесть о Данииле Александровиче», как уже указывалось, сопутствует летописи также во всех рукописях. В рукописях, содержащих полный вид краткой редакции, кроме этой повести присутствует еще повесть «О зачале Московского государства». В рукописях, содержащих сокращенный вид, перед «легендарной частью» читаются еще два памятника: «Описание о мироздании...», представляющее собой выборки из Хронографа, и «О начале славенороссийского народа...». Только потом уже идут «легендарная часть» и «Повесть о Данииле Александровиче». Таким образом, мы имеем дело с устойчивым литературным окружением НПЛ, краткой редакции. По всей вероятности, основной состав этого окружения восходит к сборнику, содержавшему протограф полного вида краткой редакции. Это окружение было в основном сохранено и в сборнике, содержавшем протограф сокращенного вида. Была лишь выброшена из состава сборника повесть «О зачале Московского государства» и включены выборки из Хронографа и статья «О начале славенороссийского народа...». Если включение в состав сборника таких произведений, как повести о Данииле Александровиче и об основании Москвы, для конца XVII века должно быть объяснено, по-видимому, какими-то особыми соображениями составителя, то помещение туда остальных памятников, предшествующих НПЛ, вполне закономерно.

¹ Не может быть сомнения в том, что это два различных памятника. Об этом говорит их содержание и то обстоятельство, что они в других случаях встречаются отдельно.

² С. К. Ш а м б и н а г о, ук. соч., стр. 263.

Краткая редакция этой летописи начинается с крещения Руси и не содержит данных о предшествующих этапах русской и мировой истории. Вполне естественно стремление составителя сборника как-то компенсировать читателя. Поэтому в сборнике, основу которого составила НПЛ, ей и предположено несколько памятников, в которых освещен предшествующий период. Затем, после повестей, связанных с основанием Москвы, был помещен сам летописный текст. Однако не подлежит сомнению, что все эти предшествующие летописи памятники являются самостоятельными частями сборника и что ни один из них не может считаться началом НПЛ, так как хронологические рамки их перекрещиваются и не согласуются с хронологическими рамками летописи. Первый памятник охватывает события от «сотворения мира» до середины XIV века, второй — от «столпотворения» до середины XII века, третий — от «потопа» до середины IX века, четвертый и пятый повествуют о событиях XIII—XIV веков. Затем следует НПЛ, начинающаяся с конца X века.

Таким образом, утверждение С. К. Шамбинаго о том, что памятник, озаглавленный «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду», представляет собой начальную часть НПЛ, безусловно ошибочно. Между тем, оно было одним из двух доказательств, которые позволили С. К. Шамбинаго считать Иоакимовскую летопись и НПЛ краткой редакцией двумя вариантами одного и того же свода. Вторым является заключение о том, будто «Повесть о старобытных князьях», как именует С. К. Шамбинаго ту часть Иоакимовской летописи, которая была известна Татищеву, представляет собой сокращенный текст «легендарной части» НПЛ.¹ В качестве аргумента автор приводит в своей статье изложение обоих памятников. Сличение пересказа, приведенного С. К. Шамбинаго, с самими текстами показало, что пересказ не дает правильного представления о их содержании.² Автор излагает подробно те части, которые действительно в какой-то степени являются сходными и сокращает или даже вовсе опускает остальное. Так, при изложении текста Иоакимовской летописи, он совершенно опустил все события начиная от женитьбы Игоря вплоть до крещения новгородцев. Эта часть по объему составляет более трети всего текста, напечатанного Татищевым. Однако С. К. Шамбинаго даже не упомянул об ее существовании. Более того, пересказав известие о женитьбе Игоря, автор вопреки действительности пишет: «Далее в Иоакимовской летописи приводится обстоятельный рассказ о крещении новгородцев Добрынею».³

Непосредственное сравнение самих текстов обоих памятников дает иную картину, чем та, которая представлена С. К. Шамбинаго. Приведенный Татищевым текст Иоакимовской летописи охватывает события от разделения земли между сыновьями Ноя включительно до крещения новгородцев, т. е. кончая 989 годом. Что же касается так называемой «легендарной части», то она оканчивается прибытием Рюрика и его братьев, т. е. по хронологии русских летописей — 862 годом. Таким образом, две трети всего известного нам текста Иоакимовской летописи никак не отражены в «легендарной части». Следовательно, если говорить о содержании обоих памятников в целом, то нельзя согласиться с С. К. Шамбинаго в том, что приведенный Татищевым текст является сокращением «легендарной части». Если же сравнивать только ту часть Иоакимовской летописи, которая хронологически совпадает с «легендарной частью», то

¹ Там же, стр. 262.

² Там же, стр. 258—261. — В. Н. Татищев, ук. соч., стр. 31—40. — Ф. Гил яров, ук. соч., стр. 15—22.

³ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 258—259.

действительно татищевский текст оказывается более кратким. Однако это еще не дает права говорить о сокращении одного памятника в другом. Подавляющее большинство данных, сообщаемых об этом периоде Иоакимовской летописью, не только не изложено подробнее в «легендарной части», но вообще в ней не содержится. Мы целиком согласны с С. К. Шамбинаго в том, что «баснословный колорит» начальной части Иоакимовской летописи «вполне подобен» «легендарной части» НПЛ.¹ Но этого обстоятельства, по нашему убеждению, совершенно недостаточно для того, чтобы считать их даже разными редакциями одного памятника, что, как кажется, имеет в виду С. К. Шамбинаго в другом месте своей работы.² В нашу задачу не входит решение вопроса о взаимоотношении этих двух произведений. После того как доказана независимость НПЛ от того памятника, который С. К. Шамбинаго считал ее «легендарной частью», все вопросы, связанные с этой последней, в том числе и взаимоотношение ее с другими памятниками, не имеют прямого отношения к НПЛ. Тем не менее, для исследователя самой летописи эти вопросы могут представлять известный интерес, так как памятник, о котором идет речь, входит в состав устойчивого литературного окружения НПЛ. Мы видели, что решение, предложенное С. К. Шамбинаго, не может быть признано убедительным. Хотя некоторое сходство содержания «легендарной части» с небольшой частью текста, напечатанного Татищевым, в ряде моментов имеется, текстуальных совпадений нет нигде. При этом следует иметь в виду, что Татищев, по его собственному признанию, приводит не весь текст своего памятника, а только то, что расходилось с данными Повести временных лет.³ Поэтому мы не имеем возможности судить с достаточной определенностью о памятнике в целом. Кроме того, оригинал рукописи, имевшийся у Татищева, был дефектным — в нем недоставало листов, о чем свидетельствует разрыв в тексте и приводимая Татищевым приписка на полях.⁴ Все это сильно затрудняет использование Иоакимовской летописи и заставляет делать выводы с большой осторожностью.⁵ Повидимому, исследование вопроса о взаимоотношении начальной части Иоакимовской летописи с другими, аналогичными по своему характеру памятниками требует привлечения возможно большего числа этих последних, и не позволяет ограничиться сравнением лишь с одним из них. Не исключено, что памятник, который С. К. Шамбинаго считал «легендарной частью» НПЛ, и начальная часть Иоакимовской летописи окажутся родственными по происхождению или даже двумя сильно отличающимися друг от друга редакциями одного памятника. Однако это уже совершенно особая тема.

Теперь нам остается рассмотреть отношение НПЛ к самой Иоакимовской летописи, т. е. проверить основной тезис С. К. Шамбинаго в его чистом виде, без тех промежуточных звеньев, которые оказались несостоятельными для его доказательства.

Первыми известиями НПЛ краткой редакции являются известия о событиях, связанных с введением христианства в Новгороде. Предпоследнее известие приведенной у Татищева части Иоакимовской летописи

¹ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 265.

² Там же, стр. 262.

³ В. Н. Татищев, ук. соч., стр. 31.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Не касаемся здесь вопроса о подлинности Иоакимовской летописи, так как считаем его решенным в положительном смысле. Список литературы по этому вопросу см. в работе: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906, стр. 74.

также повествует о крещении новгородцев. Несмотря на то, что оба текста являются довольно пространными, в них не оказывается решительно никаких общих данных, не говоря уже о каком-либо подобии текстуального сходства. Более того, данные Иоакимовской летописи находятся в противоречии с НПЛ.¹ В Иоакимовской летописи говорится о том, что еще до крещения противниками христианства была «разметана» церковь Преображения в Новгороде, которая затем была восстановлена по приказанию Добрыни. Следовательно, согласно версии Иоакимовской летописи, эта церковь существовала в Новгороде еще до крещения и продолжала существовать после него. Между тем, НПЛ сообщает о построении в Новгороде в 989 году, уже после крещения, двух церквей — деревянной церкви св. Софии и каменной — Иоакима и Анны, причем указывается, что это были первая деревянная и первая каменная церкви в Новгороде. Никаких данных о существовании в Новгороде в это время церкви Преображения в НПЛ (как и в других новгородских летописях) не содержится. Если обратимся к последующему тексту известной нам части Иоакимовской летописи, а таковым является рассказ об отпуске Владимиром своих жен и выдача их замуж за его приближенных, то оказывается, что в НПЛ эти события вообще никак не отражены. О дальнейшем содержании Иоакимовской летописи не имеем данных.

Такие результаты дает сравнение Иоакимовской летописи с рукописями, содержащими списки краткой редакции НПЛ. Значительно проще обстоит дело с пространной редакцией. В рукописи, содержащей эту редакцию, «легендарная часть», как уже говорилось, вообще отсутствует, вопреки утверждению С. К. Шамбинаго. Нет в ней и других памятников из окружения краткой редакции. Рукопись Р. 252 начинается непосредственно с текста НПЛ. Правда, летописный текст пространной редакции начинается не с крещения Новгорода, как краткая редакция, а с перечисления земель, населенных потомками Иафета. Таким образом, начальная часть пространной редакции хронологически совпадает с «легендарной частью». В начале обоих памятников речь идет о разделении земли между сыновьями Ноя:

Пространная редакция

„Легендарная часть“

Афетово бо колено и то варязе, свержума, нигти, русь, агляне, галичане, лякове, волоси, римляне, немцы, корлязи, венедиксы, фрязи и прочии; ти ж сидят с племенем Хамовым. Сын же, Хам и Афет разделивше землю и жребия мставша, не приступити никому же во жребий братень, и живяху кождо во своей части, и бысть язык един. И умножишася человецы на земли, и помыслиша столп создати до небеси во дни Нектана и Фалека, и собрашась на месте Сенари поли создати столп до небеси.²

В лето от сотворения света 2344, во второе лето по потопе, по благословению Ноя праотца разделися вся вселенная на три части трем сыном: Симу, Хаму и Афету, и извержеся от нерадения Хам от благословения отца своего Ноя, зане Ной упився вином и егда отрезвился от вина и разуме, елико сотвори ему Хам сын его, и рече: «проклят буди Хам отрок, и да будет раб братии своей»³

Как видим, первые фразы пространной редакции по своему сюжету близки к началу «легендарной части» (хотя никакого текстуального или идейного сходства нет). Можно предположить, что именно эта близость ввела в заблуждение С. К. Шамбинаго. Рассмотрение же всей начальной части пространной редакции показывает, что ее текст никак не связан ни

¹ См.: В. Н. Татищев, ук. соч., стр. 38—40; НПЛ, под 989 годом.

² БЛ, Р. 252, л. 1.

³ Ф. Гилларов, ук. соч., стр. 15.

с «легендарной частью», ни с Иоакимовской летописью. Вплоть до крещения Новгорода, т. е. до того момента, с которого начинается краткая редакция, пространная содержит полностью соответствующую часть Софийской первой летописи с незначительными включениями из Синописа. Рассказ о крещении Новгорода в пространной редакции совпадает дословно с соответствующими известиями краткой редакции и никаких других данных не содержит. Таким образом, изложенные ранее результаты сравнения этого текста с Иоакимовской летописью относятся полностью и к пространной редакции. Последнее известие Иоакимовской летописи об отпуске Владимиром своих жен отсутствует не только в краткой, но и в пространной редакции.

Итак, сравнение хронологически совпадающих частей двух летописей — Новгородской третьей и Иоакимовской — приводит к совершенно определенному выводу: между соответствующими частями этих летописей нет ничего общего.

* * *

Попытаемся установить время возникновения известных нам редакций НИИЛ.

Сначала постараемся выяснить время составления пространной редакции — в связи с тем, что краткая редакция, как уже говорилось, представляет собой извлечение из пространной, дополненное по другим источникам. Определение времени составления пространной редакции, так же как и ее состава, осложняется тем обстоятельством, что пока известен только один поздний ее список¹ (список второй половины XVIII века, в то время как летопись была составлена, как увидим ниже, в XVII веке). В связи с этим, возможно — и даже вероятно, — что после своего возникновения текст подвергся сокращениям, добавлениям или изменениям, не говоря уже об ошибках переписчиков. Сопоставление с текстом краткой редакции, а также с обнаруженным нами извлечением из пространной редакции² позволяет полагать, что изменения, которым подвергся текст этой последней, были относительно невелики. Характер этих изменений поддается определению. Они сводились к опущению некоторых известий и к незначительным добавлениям. Однако естественно, что далеко не во всех случаях можно с уверенностью судить о том, восходит ли данное известие рукописи Р II к самой пространной редакции, или оно является результатом позднейших вставок и изменений. Следует также оговориться, что вид пространной редакции, к которому восходит известный нам список Р II, как увидим ниже, не является первоначальным. При определении даты возникновения пространной редакции мы будем пока рассматривать лишь тот ее вид, который нам известен и который был использован при составлении краткой редакции.

Список пространной редакции оканчивается известиями 1674 года. Эти известия, как и предшествующий текст, дословно, лишь с небольшими сокращениями, читаются и в краткой редакции. Следовательно, они не являются позднейшими дополнениями, а восходят к самой пространной редакции. Этим устанавливается нижняя хронологическая граница: пространная редакция составлена не раньше 1674 года.

¹ Румянцевский II. В дальнейшем употребляется сокращенное обозначение этой рукописи — Р II.

² ГПБ, Погод. 1953, рукопись датирована 1678 годом.

В летописном тексте этой редакции содержится три хронологических указания, позволяющих делать заключения о более точной дате возникновения ее окончательного вида. Приводим их целиком.

1. В тексте известий 1424 года читаем: «Того же лета поставиша новгородцы церков камену во един день, за олтором святей Софен, Происхождение честнаго креста; а ныне 7100-и год [1592] построена Мария Египецкая».¹

2. В конце известий 1455 года стоит: «Повелением архиепископа Евфимия Вяжицкого поставиша церков деревянну за большим валом, в Чюдины² концы, на Софейской стране, [на] Алексеевской улицы, по чудеси; а ныне за Алексеевской башней каменной круглою, и во 190-м году (т. е. в 1682, — С. А.) поставил крест камень ямщик».³

3. После известий 1570 года помещен заголовок: «Список с подножия креста резнаго». Далее следует текст надписи на кресте об его установке в 1548 году.⁴ Затем идет известие о перенесении этого креста в 1659 году. После него читается следующее: «А в нынешнем 200-м году (т. е. в 1692, — С. А.) стоит на великом Волховском мосту против башни большой и чаров, где написан образ чудотворной Владимирской богородицы».⁵

Приведенные места летописи указывают на три даты: 1592, 1682 и 1692 годы. Заметки, датированные этими годами, не оставляют сомнений в том, что каждая из них возникла именно в том году, который в ней обозначен. Происхождение их может быть объяснено трояко: 1) эти заметки могут принадлежать составителям последовательных редакций летописи, 2) они могли быть добавлены при ее переписке, 3) они могут быть приписками на полях, внесенными затем в летописный текст.

Рассмотрим каждое из этих известий в отдельности. Заметка под 1592 годом не может принадлежать составителю пространной редакции, так как эта редакция возникла, как доказано выше, не ранее 1674 года. Эта заметка принадлежит или более ранней редакции, или одному из тех летописных памятников, которые послужили источниками для составления пространной редакции НИПЛ.

Вторая заметка может принадлежать составителю пространной редакции, так как она помечена 1682 годом и, следовательно, возникла после 1674 года. Эта заметка, как и предыдущая, читается не только в тексте пространной редакции, но и во всех списках краткой редакции. Значит, она не является позднейшей припиской, а содержалась в самом тексте окончательного вида пространной редакции. Таким образом, этот последний возник не ранее 1682 года, а если считать заметку принадлежащей самому составителю, то возникновение этого вида можно датировать точно 1682 годом.

¹ Р II, л. 299 (297). Здесь и ниже в ссылках на рукописи мы указываем фактические порядковые номера листов. В тех случаях, когда они не совпадают с цифрами, представленными в самих рукописях, последние указываются в скобках.

² Ошибка; должно быть, очевидно, «Людине».

³ Р II, л. 317 (315).

⁴ Надпись действительно списана с так называемого «Чудного креста», находившегося еще во второй половине XIX века в часовне у Волховского моста в Новгороде. Текст надписи на этом кресте вместе с рисунком самого креста издан Н. Богословским (Чудный крест в Новгороде. — Древняя и новая Россия, 1875, т. III, стр. 389). Этот текст имеет лишь незначительные отличия от приведенного в летописи. Отличия могут объясняться тем, что надпись на кресте, по всей вероятности, подверглась обновлению, так как на кресте дата указана в двух летоисчислениях — от сотворения мира и от рождества Христова, чего не могло быть в надписи, сделанной в XVI веке. В летописи дата — только от сотворения мира: очевидно, текст был списан еще до обновления надписи.

⁵ Р II, л. 409 (407) об.

Третья заметка, указывающая на 1692 год, так же как предшествующая ей надпись, списанная с креста, и известие о его перенесении, в краткой редакции отсутствуют. Это ставит под сомнение наличие упомянутой заметки, как и всего сопутствующего ей текста, в пространной редакции. Они могли быть внесены при ее переписке впоследствии. Поэтому, при отсутствии других подтверждающих эту дату данных, третья приписка не может учитываться при датировке.

Верхняя хронологическая граница для датировки пространной редакции может быть определена следующим образом. Под 989 годом, после известия о постройке в Новгороде первой каменной церкви Иоакима и Анны, читаем: «...и в той же церкви положен бысть первый епископ на правой стороне, при великом князе Ярославе...».¹ Речь идет о погребении первого новгородского митрополита Иоакима Корсунянина, умершего в 1031 году. В 1699 году останки его были перенесены в Софийский собор, о чем сообщает сокращенный вид краткой редакции в своем продолжении. НИЛ обеих редакций, как уже говорилось, чрезвычайно внимательно относится к подобным известиям. Она всегда сообщает возможно более точные данные о местах погребения новгородских иерархов — иногда даже подробнее «Росписи или краткого летописца новгородских владык». В связи с этим следует думать, что пространная редакция составлена во всяком случае не позднее 1699 года. Правда, в краткой редакции это известие отсутствует, как и в извлечении, таким образом оно может быть и позднейшей припиской. Однако это обстоятельство ничего не меняет. Подобная приписка не могла быть сделана позднее 1699 года, следовательно, пространная редакция к этому году уже существовала.² Изложенные соображения позволяют считать, что окончательный вид пространной редакции возник никак не раньше 1682 года и, очевидно, не позднее 1699 года.

Уточнить дату составления этой редакции позволяет приписка на поле против известий 1049 года. Список пространной редакции содержит довольно много приписок на полях. Все они написаны тем же почерком и чернилами, что и основной текст. Некоторые из них, как указывалось, читаются и в краткой редакции, но, как правило, уже не на полях, а включенными в летописный текст. Это свидетельствует о том, что по крайней мере те из этих приписок, которые попали в краткую редакцию, имелись уже в самой той рукописи, дату которой нам надлежит установить. К числу таких маргиналий, внесенных затем в текст краткой редакции, относится и интересующая нас приписка против известия 1069 года о гибели от пожара деревянного Софийского храма. Текст известия следующей: «Марта в 4-й день, в субботу, соборная церкви деревянная дубовая святая Софья згорела, бысть честно устроена и украшена, 13 верх имущи, а стояла конец Пискупли улицы над Волховом, идеже поставил Соткой богатой церковь каменну святых мученик Бориса и Глеба».³ Против последних слов этого известия приписка: «Яже та церьков стояла в каменном граде Детинце, близ каменной градской стены; в лето 7105 [1597] та церковь Бориса и Глеба вся до подошвы разобрана и кирпичь свозили».⁴

Как видим, приписка внесена вскоре после того, как церковь была разобрана. Указания на то, что церковь разобрана «до подошвы» и что

¹ Р II, л. 50 (48) об.

² Опущение этого известия краткой редакцией (если оно содержалось в пространной), возникшей, как увидим, до перенесения «мощей», может быть объяснено тем, что решение об их перенесении уже было принято, но еще не было осуществлено.

³ Р II, л. 80 (78).

⁴ Р. II, л. 80 (78)—80 (78) об.

«свозили кирпич», могли принадлежать только лицу, у которого эти события были еще совсем свежи в памяти. Однако вызывает сомнение указанная в маргиналии дата — 1597 год. Ведь летопись возникла не ранее 1682 года. Маловероятно, чтобы приписка на полях, принадлежавшая одному из источников НПЛ (или ее первоначальной редакции), просуществовав около ста лет, была сохранена в качестве таковой, вместе с мало значительными деталями, и при составлении окончательного вида пространной редакции. Возникает вполне законное подозрение, что эта приписка сделана уже после составления пространной редакции и что содержащаяся в ней дата испорчена последующими переписчиками. Краткая редакция не дает материала для проверки, так как в эту редакцию внесена лишь первая половина маргиналии, тогда как дата содержится во второй ее половине.

Для проверки проследим историю церкви Бориса и Глеба, о разборке которой идет речь. Эта задача облегчается тем, что в Новгородском Детинце существовала только одна церковь Бориса и Глеба, неоднократно упоминаемая в летописях и других источниках.

Церковь была заложена в 1167 году¹ и освящена в 1173 году.² Затем она довольно часто упоминается в летописях; последние летописные известия о ней относятся к XV веку: в 1405 году она выгорела во время пожара³ и в 1441 году была восстановлена архиепископом Евфимием II.⁴ После 1441 года известия об этой церкви в летописях не встречаются, однако о ее существовании свидетельствуют другие источники. В XVI веке церковь Бориса и Глеба в Детинце упоминается в перечне, составленном в 1577—1589 годах.⁵ Далее, в XVII веке эта церковь названа в росписи новгородских церквей и монастырей, составленной после шведской оккупации, в 1615 году.⁶ Изображение этой церкви имеется на плане Новгорода, относящемся к середине XVII века.⁷ О последующей судьбе ее свидетельствует челобитная царям Иоанну и Петру Алексеевичам священников церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне.⁸ Авторы челобитной просят передать им денежное и хлебное довольствие («ругу»), выплачиваемое на церковь Бориса и Глеба в Детинце, ввиду того, что последняя больше не существует. В тексте челобитной читаем: «Софейской стороны в писцовой книге Александра Чоголокова 131 [1623] году написано:

¹ Первая, вторая, третья, четвертая и пятая Новгородские летописи.

² Новгородская первая летопись.

³ Первая, третья, четвертая и пятая Новгородские летописи.

⁴ Первая, четвертая и пятая Новгородские летописи.

⁵ Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и Новгородских пятнахах, составленная в XVI веке при новгородском архиепископе Александре (1577—1589). Временник ОИДР, кн. 24. М., 1856, Смесь, стр. 26.

⁶ «Роспись, сколько в Великом Новегороде на Софийской и на Торговой стороне градских и околорадских монастырей, местных храмов и приделов, учиненная в 1615 году, после опустошений, произведенных в Новегороде шведскими войсками под предводительством генерала Якова Понтуса Деллагарди» ([Е. Болховитинов.] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, Прибавление II, стр. 84). Этим опровергается приводимое И. Красовым (О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851, стр. 15) известие Николо-Дворищенского летописца (конца XVII века) о том, что церковь Бориса и Глеба «раззорена от немец до основания».

⁷ Л. А. М а ц у л е в и ч. Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода XVII века Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. 3, 1910, стр. 1—3. Это опровергает точку зрения П. Гусева (Новгородский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви. СПб., 1913, стр. 9—10), полагавшего, что церковь Бориса и Глеба была разобрана в первой половине XVII века.

⁸ Челобитная государям Иоанну и Петру Алексеевичам священников Борисоглебской на Торговой стороне церкви о передаче им денежной и хлебной руги, жалуемой на упразднившуюся церковь Бориса и Глеба, что в Детинце. — Москвитянин, 1853, № 15, Исторические материалы, стр. 53.

«в Каменном городе, у наместнича двора церковь каменна Бориса и Глеба подле церкви Андрея Стратилата, а ныне по наличию подле дьяча двора; и та, государи, церковь в прошлых в давних годех в раззорении, и вся до основания разобрана». Несомненно, что церковь разобрана не «в прошлых давних годах» (эти слова относятся к ее «раззорению», очевидно, шведами, а не к разборке), а незадолго до составления челобитной. Именно самый факт разборки этой церкви и должен был послужить причиной для написания челобитной. Если бы церковь была разобрана «в прошлых давних годах», то на нее бы не выплачивалась руга, на которую теперь претендуют священники церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Кроме того, как мы видели выше, не подлежит сомнению, что эта церковь существовала в 1615 году и даже в середине XVII века, т. е. много лет спустя после шведского «раззорения». Очевидно, церковь была разобрана не раньше чем за несколько лет до написания челобитной. Так как совместное царствование Иоанна и Петра, которым адресована челобитная, продолжалось с 1682 по 1696 год, то следует полагать, что церковь Бориса и Глеба в Детинце разобрана в 80-х или в первой половине 90-х годов XVII века.

Возвращаясь к тексту интересующей нас маргиналии, убеждаемся в том, что указанная в ней дата разборки церкви Бориса и Глеба (1597 год) несомненно испорчена. Попытаемся восстановить эту дату в ее первоначальном виде.

В списке пространной редакции все цифры, в том числе и эта, — арабские, что для второй половины XVIII века является обычным. Однако в том оригинале, дату которого нам надлежит установить, годы были обозначены буквами, так как он был составлен не ранее 1699 года. Искажение цифры года следует искать в искажении буквенных обозначений (искажение даты, написанной арабскими цифрами, маловероятно — в этом случае должны были быть испорчены по крайней мере две цифры: искажение одной могло иметь место только в том случае, если в оригинале стояла цифра 7205 (1697), а это невозможно, так как челобитная, о которой говорилось выше, не могла быть написана позже 1686 года). Обратимся к буквенным обозначениям. Цифре 7105 (1597) соответствует написание $\bar{c} \bar{p} \bar{c}$. Искажен мог быть только последний знак.¹ В первоначальной дате на месте $\bar{c}$ мог читаться один из семнадцати знаков, обозначающих единицы (кроме 5) и десятки. Начертания этих букв во второй половине XVII века не имели сходства с начертаниями буквы $\bar{c}$ за исключением одной — буквы $\bar{c}$. Во многих почерках того времени начертания $\bar{c}$ и $\bar{c}$ совершенно одинаковы (примером может служить основной почерк Строевского списка краткой редакции НПЛ) и поэтому на месте $\bar{c}$ в оригинале мог быть только $\bar{c}$. Это подтверждается не только палеографическими наблюдениями — любая другая буква давала бы дату, которая не могла быть годом разборки церкви Бориса и Глеба.² Следова-

¹ Первый знак $\bar{c}$ искажен не был, так как он присутствует во всех датах, начиная с 7000 (1592) и кончая 7999 (2491) годом. Второй знак $\bar{p}$ также не мог быть искажен, так как любой другой знак, стоящий на его месте ($\bar{c}$ и т. д.), давал бы цифру не ранее 7205 (1696) года, что, как уже указывалось, невозможно.

² Первые восемь букв, обозначающие единицы, исключаются: наличие любой из них давало бы цифру не более 7109, что соответствует 1601 году, который не мог быть датой разборки церкви Бориса и Глеба. По той же причине исключаются и вторые восемь букв, соответствующие первым восьми десяткам. Даже последняя из них — $\bar{ii}$ давала бы 7180 (1672) год, слишком раннюю дату, не согласующуюся с данными челобитной. С ними согласовалась бы только последняя из всех семнадцати букв — $\bar{c}$ которая дает 7190 (1682) год.

тельно, в дате, ошибочно понятой переписчиком как $\bar{\text{з}} \bar{\text{р}} \bar{\text{э}}$ (7105), стояло $\bar{\text{з}} \bar{\text{р}} \bar{\text{ч}}$ (7190).

Исправив цифру года в приведенном выше тексте приписки на полях, получаем, что церковь Бориса и Глеба в Детинце была разобрана в 1682 году, что вполне соответствует данным о судьбе этой церкви других источников и чрезвычайно точно согласуется с последним из них — челобитной священников церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Напомним, что этот документ, написанный между 1682 и 1696 годами, говорит о разборке церкви незадолго до того времени, как сама челобитная была составлена.

Приведенные соображения позволяют точно установить время возникновения окончательного вида пространной редакции НПЛ. В этой редакции под 1049 годом сообщается, что деревянная София стояла на том месте, где впоследствии построена церковь Бориса и Глеба. В самом тексте известия ничего не говорится о том, что церковь Бориса и Глеба уже не существует, хотя составитель работал, как установлено выше, не ранее 1682 года. Между тем, автор приписки на полях, комментируя это место, сообщает, что церковь, о которой идет речь, разобрана в том же 1682 году. Это позволяет заключить, что составитель окончательного вида пространной редакции работал именно в 1682 году, точнее, в те месяцы этого года, когда церковь Бориса и Глеба еще существовала. Затем, уже после ее разборки, на полях была сделана приписка, сообщающая о том, что церковь в 1682 году разобрана, и указывавшая ее местоположение. Последнее было необходимо потому, что в самом летописном тексте упоминание церкви Бориса и Глеба было сделано только для того, чтобы указать древнее местоположение стоявшей ранее на ее месте деревянной Софии.¹ Теперь же, для представления о первоначальном местоположении Софии нужно было сообщить уже о местоположении самой церкви Бориса и Глеба. Поэтому можно думать, что приписка сделана самим составителем для уточнения приведенных им ранее данных.

Можно, впрочем, допустить, что составитель пространной редакции работал уже после разборки церкви Бориса и Глеба и что он перенес данные о местоположении деревянной Софии из своего источника механически (вторая половина этого текста читается и в некоторых других летописях). Однако такое предположение сомнительно. В других, более древних летописях читается такой текст: «Идеже ныне постави Сотко церковь каменну святого Бориса и Глеба».² Составитель пространной редакции опустил слово «ныне», что говорит о его сознательном отношении к тексту этого пояснения. Но даже если допускать, что он работал после 1682 года и что, переписывая данные о местоположении деревянной Софии с их ссылкой на местоположение церкви Бориса и Глеба, он не обратил внимания на то, что эта последняя уже не существует (что, как мы видели, маловероятно), то и тогда время составления пространной редакции может быть определено с точностью до нескольких лет. Приписка на полях, в которой сообщается, что церковь Бориса и Глеба разобрана в 1682 году, была внесена вскоре после этого события. Об этом свидетельствуют содержащиеся в ней детали, на что уже указывалось. Следовательно, в те ближайшие несколько лет после 1682 года, в течение которых могла быть внесена эта приписка, пространная редакция уже существовала. Таким образом, приписка сама по себе говорит о том, что летопись была составлена если не в самом 1682 году, то в ближайшие после него годы. Однако совокупность приведенных данных, как нам кажется, с гораздо большей

¹ О постройке самой церкви Бориса и Глеба сообщается особо под 1167 годом.

² Софийская первая летопись, под 1049 годом.

убедительностью указывает именно на 1682 год, как на точную дату составления окончательного вида пространной редакции (напомним, что и заметка в конце известий 1455 года была внесена в том же 1682 году).

Все высказанные до сих пор соображения касались пространной редакции в ее окончательном виде — в том виде, который представлен списком Р II и который был использован при составлении краткой редакции. Выше было доказано, что этот вид возник не ранее 1682 года. Однако не подлежит сомнению, что НПЛ существовала и до этого года, о чем свидетельствует извлечение из этой летописи, датированное 1679 годом (см. стр. 248). Очевидно, оно восходит к более раннему тексту пространной редакции. Условно назовем его первоначальным видом этой редакции. Сличение текстов извлечения и окончательного вида пространной редакции показало, что первоначальный вид ее, повидимому, не намного отличался от окончательного.

Пытаемся определить время составления этого первоначального вида. Поскольку извлечение из него было списано в 1679 году, несомненно, что он возник не позже этого года. Обратимся к тексту извлечения, причем остановимся здесь только на тех данных, которые представляют интерес для датировки.

Извлечение заканчивается пятью известиями, аналогичными по характеру своего содержания. Это известия о смерти Бориса Годунова, о воцарении Михаила Федоровича, о его смерти, о вступлении на престол Алексея Михайловича и о его смерти.¹ Все эти сведения, за исключением последнего, содержатся и в списке Р II пространной редакции, в таком же тексте.² Значит, известия о смерти Годунова, о воцарении и смерти Михаила Федоровича, а также известие о воцарении Алексея Михайловича (хотя они и не попали в краткую редакцию) не являются позднейшим наслоением, присущим только известному нам списку пространной редакции, а содержались как в самом ее окончательном виде (к которому восходит список Р II), так и в первоначальном виде этой редакции, из которого было сделано извлечение. Если обратимся к тексту извлечения за более ранний период, то увидим, что в нем содержатся известия о венчании на царство и о смерти Ивана IV, о воцарении и о смерти Федора Ивановича и о воцарении Годунова.³ Текст этих известий также совпадает с соответствующими местами пространной редакции.⁴ Они перешли и в краткую.⁵ Следовательно, эти известия, так же как и те, о которых речь шла выше, содержались в самой пространной редакции, в том числе в первоначальном ее виде. Эти наблюдения позволяют сделать два вывода.

1. Составитель первоначального вида пространной редакции чрезвычайно внимательно отнесся к известиям о смене лиц на царском престоле. Начиная с Ивана Грозного, он сообщает о воцарении и о смерти всех русских царей, опуская только Лжедмитрия и Шуйского, из которых первый незаконно, а второй без достаточных оснований (по представлениям современников) занимали престол.

2. Вышеупомянутые тексты без каких-либо изменений читаются и в известном нам списке окончательного вида пространной редакции. Это позволяет заключить, что составитель окончательного вида, как и последующие его переписчики, с такой же внимательностью относились к этим известиям.

¹ Погод, 1953, л. 121—121 об.

² Р II, л. 417(415)—417(415) об.

³ Погод, 1953, лл. 118, 119 об., 120, 120 об.

⁴ Р II, лл. 398(396)—398(396) об., 414(412), 415(413) об.

⁵ НПЛ, под 1548, 1584, 1588 и 1589 годами.

Однако известие о смерти Алексея Михайловича, которым заканчивается извлечение, в списке пространной редакции отсутствует. Представляется маловероятным, чтобы, при всем внимательном отношении к известиям этого рода, оно было опущено составителем окончательного вида пространной редакции или его переписчиками. Гораздо более убедительно другое предположение — это известие вообще отсутствовало в пространной редакции и было добавлено лишь в том списке, из которого сделано извлечение. Отсутствие этого текста в пространной редакции вполне понятно, если предположить, что первоначальный вид ее был составлен еще при жизни Алексея Михайловича, т. е. не позднее 1676 года.

Выше говорилось, что состав этого первоначального вида, судя по извлечению, вероятно мало отличался от состава окончательного вида (с полной уверенностью можно говорить только об одном различии — рассмотренной ранее заметке под 1682 годом, которая не могла быть в первоначальном виде, но содержится в окончательном). Нет оснований полагать, что составитель окончательного вида вносил в текст какие-либо существенные дополнения в изложении событий, связанных с замещением царского престола: в окончательном виде нет известий не только о смерти Алексея Михайловича, но и о воцарении Федора Алексеевича (не говоря уже о его смерти и последующем воцарении Иоанна и Петра), хотя этот вид возник не ранее 1682 года. Таким образом, не вызывает недоумений тот факт, что отсутствие известия о смерти Алексея Михайловича в первоначальном виде пространной редакции не было восполнено и в окончательном ее виде. Внимательно перенося подобные сведения в свой текст, составитель окончательного вида не делал, однако, каких-либо добавлений. Напротив, опущение известия о смерти Алексея Михайловича составителем окончательного вида (если бы оно содержалось в первоначальном виде) представляется маловероятным в силу изложенных выше наблюдений, которые показывают весьма внимательное отношение его к подобным известиям. Таким образом, отсутствие известия о смерти Алексея Михайловича в списке окончательного вида пространной редакции подтверждает наше предположение о том, что оно отсутствовало и в первоначальном ее виде.

Итак, имеется достаточно оснований полагать, что первоначальный вид пространной редакции возник при жизни Алексея Михайловича, т. е. не позднее 29 января 1676 года.

Теперь обратимся к окончанию списка пространной редакции. Этот список заканчивается подробными известиями о новгородском митрополите Иоакиме — о его поставлении, о церемонии прибытия его в Новгород, об установке им часов на митрополичьем дворе и о посвящении его в сан патриарха.¹

Все эти события относятся к 1673—1674 годам, так как Иоаким был новгородским митрополитом с 22 декабря 1673 года по 26 июля 1674 года (по сентябрьскому летосчислению).² Выше говорилось, что НПЛ вообще

¹ Р II, л. 419 (417)—419 (417) об.

² По этому вопросу высказывались разные точки зрения. Так, А. П. Барсуков считал, что Иоаким был поставлен новгородским митрополитом в декабре 1672 года (Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., [1891], стр. 9); по мнению Е. Болховитина Иоаким был митрополитом с декабря 1673 года по июль того же года (Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви, т. I. СПб., 1827, стр. 225—226). Мы считаем, вслед за П. Смирновым (Иоаким патриарх московский. М., 1881, стр. 15, прим. 2), совершенно бесспорным, что Иоаким занимал новгородскую кафедру с декабря 1673 по июль 1674 года. Об этом свидетельствует многочисленный актывый и другой материал. 22 декабря 1673 года Иоаким был поставлен митрополитом в Новгород из архимандритов Чудовского монастыря под Москвой (Акты исторические,

крайне пристально относится к подобного рода известиям. Начиная с первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина, сообщается о поставлении, а также о смерти или смещении всех без исключения новгородских епископов, архиепископов и митрополитов. При этом почти во всех случаях дается максимум подробностей по сравнению с другими летописями.¹ Это одна из главных особенностей НПЛ обеих редакций. Другая, также упоминавшаяся особенность, представленная особенно резко в пространной редакции, — незавершенность работы по ее составлению. При этом нет никаких следов того, чтобы после составления пространной редакции дополнялась известиями о последующих событиях (в том числе и в своем окончательном виде). Хронологическая непоследовательность продолжается до последнего листа рукописи включительно. Исходя из этого, имеются все основания думать, что последние известия о митрополите Иоакиме включены в свод при самом его возникновении. Поскольку они заканчиваются фразой о поставлении Иоакима патриархом 26 июля 1674 года, следует полагать, что работа по составлению первоначального вида пространной редакции была закончена (точнее — прервана) не ранее этой даты.

Таким образом, пространная редакция в ее первоначальном виде была окончена, очевидно, между 26 июля 1674 года и 29 января 1676 года.²

Предлагаемая нами датировка первоначальной редакции совместима с датировкой С. К. Шамбинаго, полагавшего, что летопись была составлена по инициативе Иоакима, во время пребывания его на новгородской кафедре³ (правда, автор аргументировал это только тем соображением, что

IV. СПб., 1842, стр. 501, № 231). 25 января он был отпущен из Москвы и 4 февраля прибыл в Новгород (Акты исторические, IV, стр. 501, № 231). В тот же день он издает указ о порядке «заседания» новгородских священнослужителей в дни торжественных богослужений в Софийском соборе (Акты исторические, IV, стр. 502, № 232). В грамоте патриаршего разряда от 21 марта 1674 года он назван новгородским митрополитом (Дополнения к актам историческим, VI. СПб., 1857, стр. 335, № 102). 6 мая того же года Иоаким в качестве новгородского митрополита посылает грамоту в Тихвинский монастырь (Акты, собранные Архесграфической экспедицией, IV. СПб., 1836, стр. 244, № 190). В приводимой Е. Болховитиновым (ук. соч., стр. 179) записке Коллегии иностранных дел говорится, что «лета 7182 (т. е. 1674); в месяце септември, праздно сушу всероссийскому... престолу, после кормициства... святейшего Питирима», значит Иоаким тогда еще не был патриархом. Он стал им только 26 VII 1674 (Древняя российская вивлиофика, ч. XI. М., 1789, стр. 244). В предисловии к торжественнику, писанному 12 V 1675, говорится: «Совершиши книга сия... престол же апостольский содержащу... Иоакиму патриарху... в 1 лето патриаршества его» (А. Горский и К. Невоструев] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. II. М., 1859, стр. 673). Наконец, сам Иоаким в своей духовной грамоте, датированной 1690 годом, пишет о себе, что «управления церкви христове уже шестоеадесять лето имам», т. е. с 1674 года (Житие и завещание святейшего патриарха Иоакима. СПб., 1879, стр. 106). Поэтому дата поставления Иоакима патриархом по НПЛ — 26 июля 1674 года — не может вызывать сомнений. Известие этой летописи о том, что Иоаким «бысть на владычестве 6 месяцев и девять дней», свидетельствует, повидимому, о том, что вскоре после смерти Питирима (он умер еще в 1673 году) Иоаким, как кандидат на патриарший престол, был вызван в Москву и более уже не возвращался в Новгород. Отнесение же большинством списков НПЛ (в том числе и пространной редакцией) к 1674 году даты поставления Иоакима новгородским митрополитом — безусловно, следствие описки.

¹ Сокращаются и опускаются только известия об избрании владык на вече.

² На основании еще одного признака — того обстоятельства, что летопись, заканчиваясь известием о поставлении Иоакима патриархом (26 VII 1674), не содержит известия о поставлении в Новгород на его место Корнилия (6 VIII 1674) — можно было бы датировать окончание составления пространной редакции периодом между 26 VII 1674 и 6 VIII того же года. Несмотря на всю соблазнительность столь точной датировки, считаем необходимым от нее воздержаться, так как, исходя из изложенных ниже соображений, отсутствие известия о Корнилии еще не свидетельствует о том, что летопись не могла быть закончена уже при нем.

³ См. стр. 238 настоящего тома.

свод оканчивается известиями о Иоакиме, без анализа особенностей состава летописи и без использования извлечения, которое не было ему известно).¹ Считаем предположение С. К. Шамбинаго о том, что инициатива в составлении свода могла принадлежать Иоакиму, вполне оправданным. Та общая характеристика его деятельности, которая дана в работе С. К. Шамбинаго, не вызывает существенных возражений и говорит в пользу этой гипотезы. Общий характер свода, как мы видели, вполне подтверждает предположение о его составлении при дворе новгородского митрополита. Само использование составителем большого числа источников также говорит о том, что работа над летописью вряд ли была делом рук частного лица. Напомним, что известиями об Иоакиме заканчивается и «Роспись или краткий летописец новгородских владык». Это позволило еще В. С. Иконникову предположить, что она получила окончательную редакцию при Иоакиме² (на что ссылается и С. К. Шамбинаго). Можно думать, что им была возглавлена большая летописная работа, которая не ограничилась составлением НПЛ.

Переходим к датировке краткой редакции. Как уже указывалось, основу ее составляет извлечение из пространной редакции. В свою очередь сокращенный вид краткой редакции представляет сокращение полного ее вида (дополненное известием 1674 года о поставлении новгородским митрополитом Корнилием). Таким образом, хронологическая последовательность не вызывает сомнений: сначала была составлена пространная редакция, затем краткая редакция полного вида и уже потом — сокращенный вид этой редакции.

Поскольку пространная редакция в ее окончательном виде была составлена не раньше 1682 года, то, следовательно, этот же год является и нижней хронологической границей при датировке краткой редакции. Это определяется не только тем, что краткая редакция возникла из пространной, но и тем, что заметка, указывающая на 1682 год, содержится, как уже говорилось, не только в пространной, но и во всех списках краткой редакции.

Крайняя верхняя граница составления этой редакции может быть определена на основании оглавлений сокращенного ее вида. Оглавление известий о поставлении новгородских владык во всех списках оканчивается митрополитом Иовом, занимавшим новгородскую кафедру с 1696 по 1716 год. Иовом заканчивается и оглавление Академического списка (восходящего к протографу сокращенного вида), летописный текст которого доведен только до Корнилия (1674—1695 годы). Это кажущееся несоответствие возникло, очевидно, в результате того, что переписчик летописи, оканчивавшейся Корнилием, воспринимая оглавление не только в качестве такового, но и как перечень всех новгородских владык, дополнил его именами Евфимия и Иова. Значит, он работал еще до того, как в Новгород после смерти Иова был поставлен архиепископом Феодосий Яновский, иначе он добавил бы и имя Феодосия. Так как Феодосий был поставлен в 1720 году, то следует полагать, что приписка имен Евфимия и Иова была сделана не позже этого года. Следовательно, уже во всяком случае не позже этого года был составлен сам летописный текст сокращенного вида краткой редакции (а значит — и полного ее вида).

Строевский список сокращенного вида может быть датирован довольно точно — либо двумя последними годами XVII века, либо самым началом

¹ Второй аргумент С. К. Шамбинаго — наличие в Иоакимовской летописи упоминания «святителя Иоакима» в качестве ее автора — должен быть отброшен, ввиду невозможности отождествлять эту летопись с Новгородской третьей.

² Опыт русской историографии, т. II, кн. I. Киев, 1908, стр. 722.

XVIII века, так как летописный текст в нем кончается 1699 годом, а почерки типичны для XVII века. Это подтверждает только что выведенную верхнюю границу составления сокращенного вида и даже позволяет условно ее передвинуть на первое десятилетие XVIII века.

Как мы уже видели, общий характер НПЛ, в особенности ее краткой редакции, дает все основания считать, что она составлена при дворе новгородских митрополитов. Протограф же сокращенного вида оканчивался, очевидно, известием 1674 года о поставлении новгородским митрополитом Корнилия. Это заставляет думать, что сокращенный вид краткой редакции (а следовательно, и полный вид) возник не позже 1695 года, когда на место Корнилия был поставлен Евфимий, иначе известие об его поставлении было бы помещено в летопись.

Полный вид краткой редакции оканчивается известиями о пребывании на новгородской митрополичьей кафедре Иоакима. Это как будто находится в противоречии с доказанным выше обстоятельством, что краткая редакция возникла не ранее 1682 года, так как известие о поставлении Корнилия (в 1674 году) в полном виде этой редакции отсутствует. Думаем, что это кажущееся противоречие может быть объяснено довольно просто. Иоаким был патриархом с 1674 года до своей смерти в 1690 году. До этого он был новгородским митрополитом. Как мы видели, ему, очевидно, принадлежала инициатива составления пространной редакции НПЛ. Таким образом, летописная работа, выразившаяся в придании окончательного вида пространной редакции и в составлении краткой редакции этой летописи, была продолжением того предприятия, которое было начато Иоакимом. В своем первоначальном виде летопись оканчивалась известиями о нем. Вполне допустимо, что лица, обрабатывавшие затем этот свод (при последующем митрополите Корнилии), сочли неудобным после известий об Иоакиме добавлять известие о поставлении на его место Корнилия, тем более что Иоаким в это время занимал пост патриарха. По всей вероятности не без ведома Иоакима проводилась эта обработка начатого по его инициативе свода. Таким образом, отсутствие в полном виде краткой редакции известия о поставлении Корнилия может свидетельствовать о том, что эта редакция была составлена еще при жизни Иоакима, т. е. не позднее 1690 года. Что же касается сокращенного вида, то там уже содержится известие о поставлении Корнилия — повидимому, этот вид возник уже после смерти Иоакима, т. е. между 1690 и 1695 годами.

Наблюдения над содержанием краткой редакции позволяют обнаружить одну существенную особенность ее по сравнению с пространной редакцией. Последняя, как указывалось, содержит известия о восшествии на престол и о смерти всех русских царей, начиная с Ивана IV. Выше было отмечено, что эти известия не являются позднейшими добавлениями, а содержались в самой пространной редакции обоих видов. Между тем, в краткой редакции, официальный характер которой в еще меньшей степени может вызывать сомнения, известия этого типа оканчиваются воцарением Годунова. Сведения о последующих царях опущены. Такое обстоятельство не может быть признано случайным. Для опущения этих известий должны были иметься достаточно веские причины.

Как мы видели, полный вид краткой редакции, возник, очевидно, между 1682 и 1690 годами, т. е. в период совместного царствования Иоанна и Петра. Напомним события, связанные с началом этого царствования.

Сразу же после смерти Федора Алексеевича, 27 апреля 1682 года, царем был провозглашен Петр. Затем, в результате интриг царевны

Софьи Алексеевны и вызванного ею стрелецкого бунта, 23 мая того же года было установлено совместное царствование Иоанна и Петра, а 26 мая Иоанн был объявлен первым среди двух царей. Небезынтересным является отношение ко всем этим событиям патриарха Иоакима. Иоаким не только поддержал первоначальное провозглашение Петра царем, но и сам участвовал в этом провозглашении. В записках Крекшина сообщается, что после провозглашения царем Петра Софья призвала к себе патриарха и бояр, вместе с представителями дворянства и купечества, и предложила возвести на престол Иоанна, установив совместное царствование обоих братьев. Иоаким совершенно определенно высказал свое отношение к этому проекту. Он ответил: «Многоначалие зло есть; един царь да будет, богу тако изволившу» и, отказавшись от участия в дальнейших переговорах, «отвидоша от лица царевны Софии Алексеевны».¹ В дальнейшем, в период борьбы между Петром и Софьей, в 1689 году, когда сторонники Петра прибывали к нему в Троице-Сергиев монастырь, Иоаким, отправившись туда под предлогом уговоров Петра, так и не возвратился в Москву. Все это свидетельствует о том, что Иоаким был сторонником единодержавия Петра и явно не одобрял установление совместного царствования обоих братьев.

Возвращаясь к нашему предположению о связи работы над НИЛ с деятельностью Иоакима, можем объяснить отсутствие в краткой редакции известий о русских царях XVII века. Зная симпатии Иоакима к Петру и отрицательное его отношение к факту установления совместного царствования Петра и Иоанна, лица, продолжавшие работу над летописью, воздержались от того, чтобы помещать в ней известие о воцарении обоих братьев, тем более что окончательный исход борьбы был неизвестен. Однако отсутствие этого известия в летописи бросалось бы в глаза, так как в ней содержались соответствующие данные о всех прежних царях. Чтобы устранить это неудобство, были опущены и известия о предшествующих царях за последнее столетие. Это соображение не только позволяет объяснить указанную особенность краткой редакции, но и подтверждает предположение о том, что эта редакция была составлена в период патриаршества Иоакима.

Подытожим наши наблюдения по датировке обеих редакций НИЛ.

Первоначальный вид пространной редакции составлен не позднее 1679 года, так как этим годом датировано сделанное из него извлечение; повидимому, он составлен и не позднее 1676 года, ибо в нем отсутствовало известие о смерти Алексея Михайловича. Работа по составлению свода была прервана не ранее 1674 года, так как он содержит известия этого года об Иоакиме.

Окончательный вид пространная редакция получила не раньше 1682 года, о чем свидетельствует заметка в тексте известий 1455 года. Этот вид возник, очевидно, и не позднее 1699 года, потому что в нем имеется известие только о первоначальном месте погребения Иоакима Корсунина, останки которого перенесены в 1699 году. Наконец, анализ маргиналии о разборке церкви Бориса и Глеба говорит о том, что составление окончательного вида пространной редакции можно датировать точно 1682 годом или, в крайнем случае, несколькими ближайшими после него годами.

Полный вид краткой редакции составлен не ранее 1682 года в силу тех же обстоятельств, что и окончательный вид пространной редакции. Наблюдения над оглавлениями сокращенного вида этой редакции показы-

¹ [И. П. Сахаров.] Записки русских людей. СПб., 1841, [Записки Крекшина], стр. 32.

вают, что этот последний, а следовательно, и полный вид появились не позже 1720 года. Датировка Строевского списка указывает на то, что оба вида этой редакции возникли не позднее первого десятилетия XVIII века. Состав известий краткой редакции свидетельствует о том, что полный вид ее возник в период патриаршества Иоакима, т. е. не позднее 1690 года. В этой связи анализ последнего известия сокращенного вида заставляет полагать, что этот вид появился между 1690 и 1695 годами.

Как видим, все данные о времени составления отдельных видов НПЛ полностью согласуются между собой, что само по себе говорит в пользу правильности предлагаемой датировки.

Присоединяясь к высказанному С. К. Шамбинаго предположению о том, что инициатором составления летописи был Иоаким, считаем, что оно подтверждается не только общим характером его деятельности (на что указывал и С. К. Шамбинаго), но также особенностями самой летописи и всеми соображениями о времени ее возникновения.

Сопоставление выведенной только что датировки с общим характером летописи, показывающим, что все этапы ее составления проходили при дворе новгородских митрополитов, заставляет связывать появление сохранившихся ее видов с деятельностью митрополита Корнилия, занимавшего новгородскую кафедру с 1674 по 1695 год. Повидимому, работа над летописью, начатая по инициативе Иоакима, была продолжена под руководством Корнилия. Это подтверждается тем обстоятельством, что Корнилий сам был не чужд литературной деятельности. Его имя приводится Филаретом в «Обзоре русской духовной литературы».¹ О летописной работе в Новгороде при Корнилии свидетельствуют и другие данные. Л. В. Черепнин, исследуя редакции «Нового летописца», установил, что в начале 80-х годов XVII века в Новгороде был составлен летописный свод, среди источников которого была «Роспись или краткий летописец новгородских владык» и «Новый летописец». Одна из глав этого свода, посвященная новгородским иерархам, оканчивается известием о поставлении Корнилия.²

Чтобы закончить рассмотрение условий возникновения известных нам текстов НПЛ, обратимся к тому ее продолжению, которое читается в Строевском и Толстовском списках сокращенного вида краткой редакции. Как уже указывалось, протограф этого вида оканчивался, очевидно, известием о поставлении Корнилия. Строевский список содержит, кроме того, подробные данные о строительной деятельности этого митрополита (реставрация нескольких церквей в Новгороде, в том числе Софийского собора, перестройка Знаменского собора); затем, после сообщений о кратком пребывании на митрополичьей кафедре Евфимия (1695—1697 годы), идут известия о деятельности митрополита Иова, отличающиеся еще большей подробностью. Несомненно, что все добавления сделаны уже при Иове, так как известия о Корнилии (помещенные сплошным текстом под 1674 годом) заканчиваются сообщением о его погребении Иовом в 1698 году. Сам же Строевский список оканчивается известиями 1699 года. Поэтому можно думать, что все дополнения Строевского списка сделаны одновременно, повидимому, в 1699 году или вскоре после этого года. Поскольку все известия этого добавления касаются новгородских митрополитов и их дея-

¹ Кн. I. СПб., 1884, стр. 254.

² Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века (из истории древнерусского летописания). — Исторические записки, т. 14, [М], 1945, стр. 119—127. Авторам выявлены и многие другие источники этого свода (главным образом — заключительной его части).

тельности, следует считать, что пополнение летописи произведено при дворе митрополита Иова.¹

Это полностью согласуется с теми довольно богатыми данными, которые сохранились о деятельности Иова вообще. Он был широко известен своей начитанностью, просветительной и благотворительной деятельностью и пользовался большим расположением Петра I.² В 1706 году им было учреждено в Новгороде греко-латинское училище, где преподавали Лихуды, для чего Иов добился специального распоряжения царя о переводе их в Новгород. Впоследствии им было открыто четырнадцать русских школ в различных местах его митрополии. Он организовал большую работу по переводу с греческого и латинского языков не только церковных, но и светских книг (некоторые из них переводились по заказу самого Петра). Под покровительством Иова прошла преподавательская и литературная деятельность Лихудов и их учеников в Новгороде. О литературных занятиях самого Иова свидетельствуют некоторые его богословские произведения (среди них есть даже стихи), а также многочисленные письма митрополита,³ часть из которых должна быть отнесена не столько к деловой письменности, сколько к церковной публицистике. Иов переписывался не только с духовными лицами, но также и с Петром I, Меньшиковым, Апраксиным, Шереметьевым и другими сподвижниками Петра.⁴ В его письмах мы видим многочисленные просьбы о присылке книг, ходатайства о переводе в Новгород типографии, о помощи в устройстве школ и т. п. Таким образом, общая картина деятельности Иова вполне согласуется с предположением о том, что под его руководством продолжалась и летописная работа.⁵

Содержание сделанных при Иове добавлений к летописи свидетельствует о том, что автор их имел в своем распоряжении дополнительные источники. Так, известия 1699 года дают сводку данных по истории Знаменского собора (перестроенного Корнилием и обновленного затем после пожара Иовом), которые почерпнуты не из самой НПЛ, хотя они и начинаются с событий 1354 года.

Последующие дополнения Толстовского списка были сделаны на основании по крайней мере двух летописей — годы проставлены в разных известиях по разным системам: от сотворения мира и от рождения христового (7210, 1706, 1709, 7218 и т. д.). В этих добавлениях широко отражена деятельность Иова, но есть и известия светского содержания (в том числе о событиях Северной войны с подробным описанием Полтавской битвы). Дополнения были сделаны, вероятно, самим автором Толстовского списка, так как между известиями оставлены пустые места (по-

¹ В пользу этого говорит то обстоятельство, что основной почерк Строевского списка совершенно сходен с одним из почерков, которыми написаны письма Иова. Совпадает не только общий характер почерка, но и способы начертания всех без исключения букв алфавита (см. третий том писем Иова: ГПБ, Соф. 1427, лл. 16, 24, 60, 94, 116, 126, 140, 146, 149, 150, 158, 160, 173, 200, 201, 205, 254, 267).

² В частности, Иову было поручено освящение первой в Петербурге церкви Петра и Павла в Петропавловской крепости.

³ ГПБ, Соф. 1425—1427. Часть из них издана (см.: И. Чистович. Новгородский митрополит Иов и его переписка с разными лицами. — Странник, 1861, т. I, отд. I, стр. 75—145).

⁴ Письма к Иову см. в публикации архим. Макария: Письма русских государей, великих князей и других особ к новгородским архиереям, хранящиеся в новгородском Софийском соборе. — Чтения ОИДР, 1860, кн. III, Смесь, стр. 123—148.

⁵ Правда, произведенный нами сплошной просмотр писем Иова по рукописям не позволил обнаружить прямых на это указаний, хотя в этих письмах (составляющих в общей сложности около тысячи листов в 1^о) его деятельность отражена довольно полно. Повидимому, это объясняется тем, что при Иове летопись только дополнялась, что не требовало большой работы по сбору материала и, поэтому, вряд ли должно было непременно отразиться в его переписке.

видимому, для заполнения их из третьего источника). Летопись была дополнена в Толстовском списке уже после смерти Иова — список оканчивается известием о его погребении (в 1716 году), а содержащиеся после летописного текста, но написанные тем же почерком выписки о событиях, связанных с Варлаамом Хутынским, содержат известие, датированное 1722 годом.

Учитывая, что в Новгороде с 1706 по 1716 год преподавательскую и литературную деятельность при Иове возглавляли Лихуды, можно думать, что дополнительная часть Толстовского списка принадлежит одному из их учеников (поскольку эти дополнения, как и в Строевском списке, сделаны, очевидно, при архиерейском дворе). Если допустить, что дополнения Строевского списка были внесены после 1706 года (палеографическая датировка рукописи это допускает), то их также можно связать с деятельностью Лихудов.

* * *

В связи с высказанными соображениями можно сказать, что вплоть до конца XVII века Новгород оставался крупным центром русского летописания. На протяжении двух десятилетий — с 1674 по 1695 год — здесь было составлено несколько летописных сводов (среди которых главное место принадлежит НПЛ¹). Повидимому, это объяснялось, с одной стороны, ведущим положением новгородской митрополии (в XVII веке патриархи поставлялись, как правило, из новгородских митрополитов), с другой — большой живучестью традиций новгородского летописания эпохи его наивысшего расцвета в XIV—XV веках.

---

¹ Во время издания настоящего тома А. Н. Насонов и А. А. Зимин любезно указали мне еще четыре списка краткой редакции (ЦГАДА, ф. 181, № 1161 и ф. 196, № 595; БЛ, М. 1418 и М. 1841), а также рукопись, оказавшуюся новым списком иностранной редакции (БЛ, ОИДР, 127). Мною были обнаружены за это время тексты НПЛ в ряде других рукописей (ГИМ, Цук. 710, Заб. 261, Увар. 1399, Заб. 270, Барс. 1791 и Барс. 1793; ЦГАДА, ф. 181, № 9; БЛ, Унд. 1141, ОИДР, 129, М. 2628 и М. 733; ГПБ, F.IV.857 и F.IV.888; БАН, 17.8.25 и 21.6.13, и др.). Некоторые из указанных рукописей являются списками самой НПЛ, остальные тесно с нею связаны. Вновь найденные списки подтвердили выводы настоящей статьи. Подробный обзор перечисленных рукописей будет подготовлен в ближайшее время.